

Юлия ШАПЧЕНКО

ВЛАСТИТЕЛЬ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬ: ДВЕ ГРАНИ ЛИЧНОСТИ МОНАРХА

На примере строительства Санкт-Петербурга
во второй половине XVIII — начале XIX века

В данной работе мы попытались проанализировать изменение облика города под влиянием личности того или иного русского монарха, увековечивающего свои деяния посредством архитектурных сооружений, руководившегося при строительстве городов не только личными пристрастиями, вкусами и капризами, но и необходимостью, ответственностью, накладываемой на них бременем власти.

В качестве примера выбран Санкт-Петербург — город, о строительстве которого сохранилось наибольшее количество документальных свидетельств, и который, в отличие от традиционных русских городов, изначально строился по четко определенному плану. Мы рассматриваем рубеж XVIII и XIX вв., так как, во-первых, к концу XVIII столетия город в основном сложился как единый архитектурный организм, конкурирующий с самыми красивыми европейскими столицами; во-вторых, этот период характеризуется расцветом грандиозного ансамблевого строительства, не только частного, но и гражданского; в-третьих, эта эпоха является по сути последней ступенью к переходу России в новый век — век развития капиталистических отношений и отмирания дворянства. Объектами исследования явились как непосредственно архитектурные сооружения, так и живописно-графические произведения, выполненные в рассматриваемый период времени.

Петербург и не похож ни на один русский, и ни на один европейский город. Новые архитектурные формы Петербурга построены на фундаменте самых разнообразных стилей русской и мировой архитектуры. Выделение петербургской русской культуры в отдельное явление имеет под собой основание, обусловленное, в первую очередь, концентрацией здесь с середины XVIII в. и вплоть до начала XX в. интеллектуальных сил страны. Поэтому в Петербурге, по существу, сосредоточились именно все лучшие стороны русской культуры.

Русские правители, начиная с Петра, не желали ударить лицом в грязь пе-

ред другими державами, поэтому уже с самого начала своего строительства новая столица была окружена ореолом необыкновенного, грандиозного творения, город рос и развивался ускоренными темпами: зодчие-иностранцы, обилие западноевропейских типовых архитектурных проектов, а также образцовых гравюр способствовали формированию привычного для европейцев и совершенно особенного для русских облика города. На строительство новой столицы не щадили никаких издержек. Путешественники писали о расцветающем на глазах городе: «Бедный там, по крайней мере, может забыть свою хижину и отвлечь мысли от несчастья своего, рассматривая совершенные произведения, которыми чувства его наслаждаются».

Уже через пятьдесят лет после основания Петербурга монаршей власти было чем похвастать перед европейскими городами. Изданный в 1753 г. в Академии наук альбом с планом новой столицы и видами ее самых красивых мест предназначался не столько для русских, сколько для иностранцев, которые, привозя с собой альбом, невольно популяризировали образ Санкт-Петербурга за рубежом. Утопия восприятия Петербурга не только в России, но и за рубежом, заключалась в создании легенд вокруг его строительства, благодаря неустанной пропаганде его исключительности, скрупулезной фиксации всех происходящих в нем событий, приглашению иностранных мастеров, подчеркивающих преемственность строительства русского города западноевропейским архитектурным традициям.

Новая столица современниками воспринималась как гигантская сцена для утверждения пафосных спектаклей, разыгрываемых русскими монархами, желавшими утвердить свою значимость за рубежом. С самого появления на свет этот город стал двуликим, имел парадную сторону и закулисье. Однако и сами монархи верили в его исключительность. Елизавета Петровна прямо заявляла о претворении в жизнь градостроительных замыслов своего отца, Екатерина II также стремилась подчеркнуть свою неразрывную идейную связь с основателем невольской столицы, хотя, безусловно, обе они отдавали дань модным архитектурным веяниям, увлечениям, господствовавшим в Европе того времени. Что касается Павла I, то, во-первых, его правление не было столь длительным, чтобы можно было всерьез говорить градостроительных преобразованиях, во-вторых, его романтические наклонности во многом обусловили архитектурные вкусы, в частности, увлечения рыцарством, любовь к военным парадам.

Зато Александр I всецело отдался идеям государственности, превратив Петербург в истинно имперский город. В эпоху Александра и последующих правителей город все более превращается в гигантское образование, способное растворить волю индивидуума в социальном. По выражению Герцена, в Петербурге всеобщее поглотило личность, город — гражданина, гражданин — чело-

века, кончилось тем, что индивидуальная случайная личность императоров поглотила город городов. В эпоху классицизма и ампира всякое украшение без цели — пафосной или гражданской — отбрасывалось неукоснительно. В это время большое значение приобретало гражданское строительство, рассчитанное на различные социальные слои.

Границы Санкт-Петербурга в эпоху правления Елизаветы определить было сложно, так как существовавшие планы города представляли собой в большинстве случаев только проекты, не всегда реализованные на практике. Многие современные районы города образовывали предместья. По свидетельству иностранцев, Петербург того времени представлял одни противоположности — из великолепного квартала люди вдруг попадали в дикий и сырой лес, рядом с огромными и роскошными палатами и садами находились развалины, деревянные избы или пустыри. К тому же, город часто страдал от пожаров. После пожаров целые кварталы отстраивались заново, разделение на кварталы было условным. Лишь в 1770-е годы, в связи с дальнейшим ростом города, Петербург был разделен на девять частей: первую, вторую и третью Адмиралтейские, Литейную, Рождественскую, Московскую, Каретную, Васильевскую и Выборгскую. Нарвскую часть благоустроили лишь к 1810 г. В предместьях определялось строить дома: на набережной Невы — каменные, не ниже двух этажей, а вдоль Фонтанки можно было строить деревянные на каменном фундаменте. Весь берег Фонтанки был занят садами и загородными дачами вельмож того времени. Улучшение облика новой столицы было также обусловлено широким развитием в обществе театральной культуры, расширением связей с зарубежными странами (знать систематически выезжала за границу на обучение, лечение или в турне), открытием Академии Художеств, фактически, ставшей оплотом культуры в России. Эпоха Елизаветы оставила городу такие выдающиеся сооружения барочного искусства, как Зимний дворец, дома графов Строганова, Воронцова, Орлова, Разумовского, Смольный монастырь, дворцы: Аничков, Царскосельский, Петродворец. Любимый архитектор императрицы Ф.-Б. Растрелли проектировал сооружения барокко, подчас гротескные, напоминающие театральные декорации, изобилующие украшениями. Это вполне соответствовало характеру заказчицы — любительницы балов, маскарадов, театральных представлений, легко меняющей свои сердечные пристрастия, игривой, кокетливой и одновременно, честолюбивой.

В отличие от Елизаветы, которую ее преемница Екатерина II недолюбливала, и, придя к власти, постаралась стереть память о тетке своего бывшего супруга, превратив многие постройки ее времени в различные канцелярии или богоугодные заведения, достоинством Екатерины как заказчицы архитектурных сооружений было особое понимание времени, стремление увидеть черты

будущего, перенеся в него предметы и образы далёкого прошлого. Это было ей необходимо для того, чтобы придать своим действиям и сооружениям свойства классического идеала. Сооружениям, которые возводились при ней, придавался характер монументов, которые должны были стать для потомков символами ее правления.

К такому взгляду на историческое время в архитектуре Екатерина пришла в результате долгих лет ожидания трона, заполненных чтением книг о древних и мечтами о будущем, драматических событий, когда она сама «творила историю», превратившись её в необычного архитектурного заказчика. Попробуем остановиться именно на тех постройках и проектах, где, как нам кажется, в значительной степени выразились её мышление и характер.

В собственном родовом имении Ангальт, а также владениях многочисленных родственников, соперничавших в создании маленьких дворцов в духе рококо и китайских павильонов, Екатерина видела благоустроенные райские сады в миниатюре. Спустя годы монархиня сохранила при преобразовании огромной империи отношение к ней, как к такому же вечно благоустроенному саду. Ещё более сильные впечатления произвел на нее прусский двор в Потсдаме. Уже из России будущая императрица внимательно следила за постройками короля Пруссии. В течение первых десяти лет царствования ей казалось достаточным жить в окружении архитектуры и садов, почти таких же, как у него. Увлечение китайскими мотивами в загородных постройках создавало эффект перемещения из сиюминутной современности в неизвестную и небывалую эпоху. Особенно это сказалось на Царском Селе — любимой резиденции Екатерины, где она проявляла творческую фантазию, заказывая архитекторам все, что хотела.

Китайскими постройками должны были заниматься все любимые архитекторы императрицы: А. Ринальди, Г. Фельтен, Ч. Камерон. В Царском селе были построены китайский городок и китайская деревня, китайские мосты и павильоны, здание китайской оперы. Еще раньше, по желанию Екатерины, в резиденции ее супруга Петра III — Ораниенбауме — был построен китайский дворец. Несмотря на любовь к порядку, увлечения императрицы были разнообразны и переменчивы. Увлечение античностью проявилось у Екатерины II в 1770-е, в связи с постройкой античных бань в Царском селе. На практике замысел был осуществлен под руководством шотландского архитектора Чарльза Камерона, известного своими трудами о банях древних римлян.

Холодные бани, Агатовые комнаты и Камеронова галерея — это «действующая модель» частных римских терм, в этом греко-римском по стилю здании планировалось обобщить идеи историзма (воплощенный образец античности) и практические аспекты (баня предназначена для помывки).

Тема гармонии жизни древних соединялась с прославлением событий не-

давной истории, прежде всего побед над турецкими армиями. Обелиски, воздвигнутые в Царском Селе в честь битв при Кагуле, Чесме, взятии Крыма, а также храм Памяти, где все события крымской войны представлены на медальонах. Увековечивание современных событий с помощью различных мемориальных сооружений было устроено таким образом, чтобы говорить о будущем. Таким образом, смысл парка заключал в себе политическое будущее, падение Турции и создание на месте Византии Греческой империи. Изображение в парковом ансамбле будущего — редкий случай в XVIII столетии, в этом смысле Царское село уникально.

В Санкт-Петербурге времен Екатерины господствовала тенденция к уплотнению застройки, связанная с ростом города и окончательным закреплением за Адмиралтейской стороной роли его центральной части, что сказалось на увеличении этажности зданий, сокращении размеров или ликвидации внутриворотовых садов и парков. Места зданий, свободно расположенных на участке, все чаще занимали дома с внутренними колодцеобразными дворами. Дома приспособлялись для их сдачи внаем. Социальные и функциональные различия между районами Невы и Фонтанки постепенно сглаживались путем строительства дорогостоящих зданий, сплошной обстройки набережных двух-трехэтажными каменными домами в линию, что способствовало оформлению ансамблей рек и каналов в единое целое с окружающей застройкой. В отличие от стремительно застраиваемых упорядоченных кварталов Петербурга в Москве преобладало строительство городских дворянских усадебных комплексов в черте города, эта тенденция сохранялась вплоть до начала XX в.

В архитектуре времен Екатерины II есть примеры, когда императрица стремилась создать сооружения, рассчитанные на дальнейшую историческую перспективу. Это проявилось в её отношении к царским резиденциям в Москве — Большому Кремлевскому дворцу и усадьбе Царицыно. Тогда подобный жест был связан с началом деятельности комиссии для составления нового свода законов, который должен был установить в империи «просвещённое» правление. Новый грандиозный кремлёвский дворец должен был стать символом будущего переустройства России. Оба проекта были заказаны архитектору В. Баженову, и оба не были доведены до конца по воле императрицы. В основе построек Царицына лежит «говорящий» архитектурный язык. Архитектор усадьбы Баженов соединил древнеримские и готические мотивы с включением древнерусских и символических масонских элементов. Весной 1785 г. Екатерина приехала в только что завершённое Царицыно и, оставшись крайне недовольна, велела прекратить работы по дальнейшему строительству усадьбы, отстранив архитектора от работы. Это было вызвано тем, что Баженов спроектировал два равнозначных, одинаковых, стоящих рядом дворца: для императрицы и наслед-

ника престола Павла. Решение архитектора, подчёркивавшее равнозначность монархии и её наследника, Екатерина утвердила за десять лет до постройки Царицына. За прошедшие годы их отношения с великим князем Павлом резко изменились. После достижения совершеннолетия и женитьбы он стал представлять опасность для твёрдости материнского трона. Теперь императрица хотела иметь в Царицыне только свой личный, грандиозный и эффектный дворец. Так в екатерининской архитектуре второй половины XVIII в. зазвучала тема выбора преемника трона, предпочтение внука Александра сыну Павлу. Эта тема доминировала в её личных строительных начинаниях вплоть до самой кончины Екатерины.

После разрушения дворца Павла в Царицыне архитектурная политика императрицы только ужесточилась. «Тема Александра» стала в ней основной. Архитектору Дж. Кваренги в 1792 году, за четыре года до смерти Екатерины, был заказан Александровский дворец в Царском селе, поставленный возле дворца самой императрицы. Его торжественные формы свидетельствовали, что архитектор понимал необходимость отойти от привычного для него строгого палладианского классицизма и создать постройку подчёркнуто героического характера, скорее во французском, чем в итальянском духе.

Именно величия, подобного судьбе античного героя Александра Македонского, желала любимому внуку императрица, проча ему власть над империей, которая, подобно государству Александра Македонского, объединяла бы земли Востока и Запада. Архитектору И. Старову было заказано строительство грандиозной резиденции, названной Пеллой (Пелла — столица античной Македонии, где родился Александр). Екатерина надеялась, что её просветительские замыслы будут осуществлены внуком, и её дух вновь оживёт при его правлении.

Резиденция Пеллы состояла из главного дома, обращённого фасадом на Неву, и двадцати четырёх дополнительных корпусов разных размеров. Причём не меньшую роль, чем здания, в композиции ансамбля играли длинные мраморные колоннады парных колонн и галереи с проходами в середине. На Неве была устроена роскошная пристань, а с противоположной стороны — огромная полукруглая площадь. К середине 1790-х годов строительство было закончено. Не хватало только внутренней отделки и мебелировки. В Москве к этому времени был достроен Екатерининский дворец в Лефортово, который также не успели отделать внутри.

Пелла была воплощением мечты Екатерины о будущей империи внука Александра. Однако после воцарения на престоле ее сына Павла, последним был издан приказ «разрушить Пеллу до основания», как поступила Екатерина с его дворцом в Царицыне. Часть камней и мраморные детали Пеллы были пущены на отделку Михайловского замка под руководством архитектора

В. Бренны, а кирпич использовали на достройку собора Исаакия Далматского. Для Павла стало принципиальным искоренить ненавистную ему память о заслугах матери, предать забвению то, что она ценила, в том числе и в архитектуре. Чего стоит памятник Петру I работы Растрелли (отлитый еще при Анне Иоанновне и долгие годы хранившийся без надлежащего внимания), на котором по приказу Павла сделана надпись: «Прадеду — правнук». Таким образом, Павел хотел подчеркнуть свою принадлежность к русской императорской фамилии, а заодно и отомстить матери, по велению которой на конном памятнике Петру (Медном всаднике) была сделана надпись: «Петру I — Екатерина II».

При Павле был завершен долгострой — собор Исаакия Далматского, строительство которого началось еще при Елизавете. Верх его был достроен из кирпича, оставшегося от разборки Пеллы. Подобно своему отцу, Петру III, Павел увлекался прусской армией, любил военные парады, строгую, часто мучительную для солдат и офицеров армейскую муштру. Многие роскошные дворцы, построенные по заказу Екатерины, постигла незавидная участь: например, Таврический дворец — резиденция князя Потемкина — был отдан под казармы лейб-гвардии Конного полка, драгоценности, скульптуру и наборные паркеты, находившиеся в нем, перевезли в Михайловский замок; в Москве Екатерининский дворец также был отдан под казармы, Петровский путевой дворец пребывал в запустении.

На месте бывшего летнего дворца Елизаветы Петровны при Павле был построен выдающийся памятник, соединивший в себе черты античной и немецкой рыцарской архитектуры — Михайловский замок, с церковью во имя архистратига Михаила, предполагавшийся стать оплотом русского монарха на многие годы, а ставший резиденцией императорской семьи всего на 40 дней. Замок был построен по проекту и под наблюдением любимого архитектора Павла — Викентия Бренны. Этот замок являет собой пример утонченного вкуса заказчика, его окружали подъемные мосты и ров с водой. к тому же, позолоченный шпиль органично включен в описанную ранее систему вертикалей городского пространства. После смерти императора Александр не стал жить в нем, замок поступил в гоф-интендантское ведомство, а мебель, статуи и картины были вывезены в Таврический, Мраморный, Зимний дворцы и частично в Царское село. Можно также привести в качестве образцов павловской архитектуры усадьбы в Гатчине и Павловске, выполненные с любовью и редким чувством стиливого единства с окружающей природой, что говорит о наличии у Павла и его супруги, императрицы Марии Федоровны, тонкого эстетического чутья. Особенно примечателен гатчинский дворец, первоначально построенный по проекту Ринальди как охотничья усадьба для фаворита Екатерины II Григория Орлова. Подаренная Павлу Петровичу матерью резиденция была им преобразована по

своему вкусу. Под руководством архитектора Бренны все покои дворца были отделаны заново; архитектором Н.Львовым построен уникальный землебитный Приоратский дворец, Гатчина стала любимым местом пребывания Павла Петровича, где он создал образцовое военное государство в миниатюре и, прежде всего, маленькую армию — гатчинские войска на манер прусских войск своего кумира — императора Фридриха Великого. Слово «гатчинец» стало почти нарицательным. Оно означало человека дисциплинированного, исполнительного, честного и преданного. Даже получив власть, Павел I оставался педантом и жил по расписанию, он регламентировал жизнь собственного двора и всех подданных: домашние обеды, спектакли в театрах, балы должны были начинаться в определенное время и заканчиваться не позднее полуночи. Главное: не должно было быть пустого времяпрепровождения, неоправданной праздности и излишнего щегольства.

Петербургское высшее общество, привыкшее к гуляньям до утра, с трудом меняло привычки, запреты Павла I вызывали недовольство и насмешку. Многие жители после 8 часов вечера плотно занавешивали окна, чтобы случайный свет не пробивался сквозь них и не привлек внимание военных полицейских караулов, дежуривших на улицах города. По воспоминаниям современников первое, что запомнилось в облике Петербурга времени Павла, были полосатые караульные будки и шлагбаумы. Прежде всего, они были поставлены на заставах, чтобы контролировать въезд и выезд из города жителей и гостей, а также ввоз и вывоз товаров. Император боялся влияния идей республиканской Франции на умы и настроения русских людей. Поэтому на заставах тщательно проверялись все въезжающие в город иностранцы, одной из мер борьбы с вольнодумством стали распоряжения императора в отношении одежды: запрет на ношение фраков и круглых шляп, стремление всех одеть в униформу. Павел не любил шелковых чулок на мужчинах, при нем были введены сапоги на манер ботфорт.

Русский император с большим интересом относился к топографически точным изображениям Петербурга и окрестностей. В 1797 году при нем было учреждено депо карт, где впервые были подготовлены Атласы Санкт-Петербурга, дающие полное представление о городе того времени, его географии и застройке. В эту же эпоху было создано много видов Петербурга и загородных императорских резиденций, преимущественно гравированных, так как в конце XVIII столетия при Академии художеств был открыт класс ландшафтной гравюры под руководством И. Клаубера и С. Щедрина.

Именно в эпоху Павла I были построены дошедшие до нас в неизменном облике и назначении Монетный двор на территории Петропавловской крепости и Медико-хирургическая академия на Выборгской стороне (архитектор обоих А. Порто). В сфере гражданской архитектуры активно работали талант-

ливые архитекторы Ф. Демерцов и Ф. Волков, они строили корпуса учебных заведений, военные казармы, госпитали, церкви. Характерно, что в короткое царствование Павла I при благоустройстве столицы предпочтение отдавалось именно гражданской архитектуре. Что касается решения серьезных градостроительных задач, то особо следует подчеркнуть, что именно в этот период было задумано строительство Казанского собора на Невском проспекте и утвержден проект Академией художеств, в 1800 г. было начато строительство собора по проекту А. Воронихина.

При Павле I было поставлено три монумента: уже упомянутая нами статуя Петра Великого возле Михайловского замка, обелиск «Румянцова победам» по проекту Бренны на Марсовом поле и сменивший его затем памятник А. Суворову в образе бога войны Марса, заказанный императором Павлом скульптору М. Козловскому, но поставленный уже после гибели монарха. Уже в период правления Павла отношение к античности стало принципиально иным. Легкость и игривость обобщенных греко-римских образов уступила место зарождавшимся имперским тенденциям эпохи расцвета Рима.

Пришедший на смену Павлу Александр I, присягая на царство, открыто заявил, что при нем «все будет, как при бабушке», имея в виду продолжение начинаний Екатерины II во всех областях государственной деятельности. Однако время также внесло свои коррективы. Павел Петрович успел пошатнуть устои идеологии Просвещения, которых твердо придерживалась Екатерина II. В противовес этому культурные акценты были смещены на романтизм. Противоречивость личности Александра отмечают многие историки и биографы императора. Он жил в эпоху романтизма, но, согласно бабушкиному воспитанию и преемственности ее идеалам, должен был претворять в жизнь просветительские идеи. В архитектуре Санкт-Петербурга эти идеи были выражены в таких градостроительных воплощениях, как здание Биржи, построенное по проекту французского архитектора Ж. Тома де Томона, эта постройка сменила ранее строившуюся, но не достроенную (по проекту итальянца Дж. Кваренги). Грандиозность нового строения затмила собой предыдущее, одновременно с этим решив градостроительную задачу — архитектурно оформив Стрелку Васильевского острова, где участок слияния двух рек — Большой и Малой Невы — наиболее широк.

При Александре были возведены основные архитектурные доминанты столицы — новый собор Исаакия Далматского по проекту О. Монферрана, построен Казанский собор на Невском проспекте, Александровская колонна на Дворцовой площади, новое, уже третье, здание Адмиралтейства, облик которого сохранился до наших дней. Все эти здания, прежде всего, выполняли значение символов императорского могущества и призваны были внушать современникам раблепное поклонение перед силой монаршей власти и создан-

ных ею творений. С ходом времени завершение развития просветительского классицизма стало казаться недостаточным, особенно среди триумфов, наступивших после победы в наполеоновских войнах.

Следование представлениям об идеале классического зодчества, утвержденным при Екатерине, перестало отвечать требованиям эпохи Александра I. Истинное воплощение екатерининской мечты о славе царствования ее внука произошло в архитектурных произведениях фаворита Александра — К. Росси, создавшего Александринский театр и всю перспективу Театральной улицы (впоследствии ставшей улицей Росси), проекты зодчего придали торжественную регулярность всему городу, превратив это свойство александровского классицизма в черту своеобразия Петербурга.

С эпохой правления императора Александра связывают и так называемый «имперский стиль». Декоративные мотивы ампира появились по всей России после победы в войне с Наполеоном I, когда из Франции невольно было заимствовано множество форм и архитектурных приемов, определивших градостроительство в России на протяжении почти двадцатилетнего периода.

Личные предпочтения Александра определили его тягу к монументальному ансамблевому строительству, при нем многие важные объекты Санкт-Петербурга получили композиционное завершение, сохранив свой облик до наших дней — Дворцовая площадь, Адмиралтейский сквер, Конногвардейский бульвар, Театральная площадь, стрелка Васильевского острова и др. Сам Александр предпочитал дворцы на Елагином и Крестовском островах, где подолгу жил со своим семейством в окружении почти первозданной природы. В этом также можно увидеть противоречие личности императора — стремление упорядочить облик Санкт-Петербурга, облечь его в камень и, одновременно с этим, предаться уединению вдали от городского центра, окружив себя идиллическими парками. В его правление размах типового городского строительства, особенно в части гражданских зданий, достиг небывалых прежде размеров. Применение типового строительства по образцам, одновременно с перепланировкой городов было, безусловно, продолжением проектов XVIII века, начавшихся еще в правление Петра I, продолжавшихся при всех последующих правителях и систематически воплощавшихся в жизнь при Екатерине II. Императрица хотела придать всем городским поселениям Российской империи типологическое единство.

Александр же стремился к всестороннему единообразию. Причем, в свой образ идеальной империи он включил в значительной степени и сельскую местность, а не только города, как это было при Екатерине. К концу царствования Александра I было закончено создание регулярных планов всех городов империи, начатое в 1760-х. Все типы «казенных зданий» получили новые, обязатель-

ные для исполнения образцы, созданные архитектором А. Захаровым. Количество образцовых чертежей для частных жилых зданий стало огромным. Более двухсот из них были исполнены архитекторами В. Гесте и Л. Руска. Появились альбомы заборов, ворот, мостов, сараев, всевозможных хозяйственных построек, включая лавки и гостиные двory. Еще важнее то, что была предпринята попытка унифицировать не только принципы создания генеральных планов русских городов и облик всех находящихся в них зданий, но и созданы образцовые проекты «промежуточного масштаба» — площади, скверы, жилые кварталы и устройство внутри них частных садов и огородов.

Говоря иначе, градостроительные замыслы Александра привели к необходимости свести все части городского пространства к единообразию. Причем, не только столицы, но и других губернских и уездных городов и поселений. Ни один правитель, включая Екатерину II, не осуществлял подобных проектов.

Подводя итог, следует подчеркнуть, хотя личность каждого конкретного русского монарха и определяла градостроительную политику, чаще в силу необходимости и личной ответственности, накладываемой на правителя бременем власти, им приходилось поступаться собственными пристрастиями, подчиняясь законам общества, моды или подчеркивая свою преемственность от европейских монархов. Со второй половины XVIII в. велась серьезная политика, направленная на благоустройство и унификацию быта горожан (защиты от пожаров, введения типового каменного строительства, устройства городских служб и т. д.). В большей степени личные взгляды, пристрастия и антипатии правителей выражались не столько в общественном строительстве, сколько в обустройстве собственных резиденций. Уникальные императорские дворцово-парковые ансамбли становились эталонами для подражания, образцами хорошего вкуса для всего русского дворянского общества.

К первой половине XIX в. окончательно сложился облик Санкт-Петербурга, его планировочная схема, основные архитектурные доминанты, магистрали; в последующие периоды как зодчие, так и правители в основном придерживались заданных направлений в строительстве города и существенно не исказили его общий облик.

1. Анисимов Е. В. Елизавета Петровна, императрица российская. — М., 1999.
2. Анисимов Е. В. Императрица Екатерина Великая. — СПб, 2007.
3. Анисимов Е. В. Царь и город: Петровский Петербург. — СПб, 2004.
4. Анисимов Е. В. Санкт-Петербург: Три века архитектуры: Краткая иллюстрированная энциклопедия. — СПб, 1999.
5. Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. — СПб, 1997.
6. Виды Петербурга и окрестностей в гравюрах, фототипиях, литографиях XVIII — XIX вв.: Ката-

- лог-путеводитель по фондам ГНИМА им. А. В. Щусева / Сост. И. В. Седова. — М., 1991.
7. *Жерихина Е. И.* Литейная часть: От Невы до Кировной: 1710–1918. — М., 2006.
 8. Заказчик в истории русской архитектуры: Сб. статей: В 2 т. — М., 1994.
 9. *Каганов Г. З.* Санкт-Петербург: Образы пространства. — М., 1995.
 10. *Комелова Г. Н.* Виды Петербурга и его окрестностей середины XVIII века. — Л., 1968.
 11. *Комелова Г. Н., Принцева Г. А.* Петербург в произведениях Патерсена. — М., 1978.
 12. *Кошкарова А. К.* Гравированные и литографированные виды Петербурга — Ленинграда в собрании Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: Каталог. — Л., 1965.
 13. *Лихачев Д. С.* Раздумья о России: Петербург в русской культуре. — СПб, 2004.
 14. *Лихачев Д. С.* Русская культура. — СПб, 2007.
 15. Москва в гравюре конца XVIII — XIX веков. Каталог выставки. — М., 1969.
 16. *Обольянинов Н. А.* Каталог русских иллюстрированных изданий 1725–1860 гг.: В 2 т. — М., 1914–1915.
 17. Палладио и мировое искусство: Сб. Междунар. науч. конф. «XVIII Алпатовские чтения». — М., 2008.
 18. *Петров П. Н.* Альбом 200-летнего юбилея императора Петра Великого. — СПб, 1873.
 19. *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям в губерниях 1703–1782. — СПб, 1884.
 20. Петербург и другие новые российские города / Под ред. Н. Ф. Гуляницкого. — М., 1995.
 21. *Саваренская Т. Ф.* Основные направления в развитии теории западноевропейского градостроительного искусства XVII–XIX вв.: Автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. — М., 1979.
 22. *Швидковский Д. О.* Русская архитектура: путь к европейскому веку // Наше наследие. — 1988. — № 1. — С. 22–37.
 23. *Швидковский Д. О.* Город русского просвещения [Царское Село]. — М., 1991.